

ВСТУПЛЕНИЕ

Во введении принято рассказывать о том, что заставило автора написать этот труд, высказывать свою гражданскую позицию по данной проблеме и кратко освещать содержание книги. Не будем нарушать традицию, тем более что книга — о ней.

Если бы это вступление было к докторской диссертации, оно начиналось бы с принятого зачина о том, что «настоящая монография посвящена анализу формирования на Корейском полуострове традиционной политической культуры и ее трансформации в новейшее время под влиянием изменения общественной ментальности». Но жанр книги предполагает большую свободу, и я постараюсь достаточно подробно рассказать, почему я взялся за разработку этой сложной и многослойной темы.

Командно-административными системами я начал интересоваться еще в школьные годы, желая понять, как они формируются, насколько успешно работают и почему складываются именно так. Поскольку, в отличие от других моих сверстников, в моей жизни не было «бодания с дубом», когда личное столкновение человека с негативными сторонами советской системы формирует ее активное неприятие, к началу 1990-х гг. я оказался в числе тех, кто успел почувствовать величие советской империи, был воспитан как патриот СССР и воспринял распад Союза как крушение державы.

В 1985 г. я поступил в Институт Стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ, но т. к. языковую группу там не выбирают, вместо желанного японского я попал на корейское отделение, вернувшись с вводной лекции слегка удрученным, ибо всё, что я знал тогда о Корее, сводилось к знакомству с северо-корейскими журналами на русском языке, которые из-за специфической стилистики и слабого знания их переводчиками русского языка воспринимались как определенная альтернатива журналу «Крокодил».

«Мы готовим штучных специалистов», — сказал нам на вводной лекции директор института, и это было правдой. Ситуация, когда маститый профессор читает лекцию двум или трем студентам не потому, что остальные отсутствуют, а потому, что в группе именно столько человек, была не исключением, а нормой. Самое главное, что старались вложить в нас замечательные наши учителя, — это любовь к изучаемой стране и способность ее понять. Нельзя профессионально заниматься страной, не сопереживая ей, не стремясь почувствовать ее изнутри. Так нас учили.

И мы в страну эту влюбились, постепенно перестав воспринимать «Корею сегодня» как юмористический журнал и относясь к его

переводчикам с сочувствием, а не с насмешкой. Мы учились есть палочками, играть в корейские шахматы, а на вечерах художественной самодеятельности разыгрывали сцены из северокорейских революционных опер. И хотя главной темой моих исследований вплоть до окончания аспирантуры в 1997 г. была корейская воинская традиция средних веков, «антиутопические штудии» оставались приоритетом номер два.

В 1987 г. я был на два года призван в армию, а вернувшись оттуда в 1989 г., оказался в изменившейся стране. Изменение это коснулось и «корейского вопроса». Мы начали налаживать контакты с Югом, и когда летом 1990 г. после третьего курса нашей группе пришло время ехать на годичную языковую стажировку в изучаемую страну, трое студентов ИСАА, и среди них Константин Асмолов, оказались первыми студентами, которые вместо Пхеньяна отправились в Сеул.

За десять с половиной месяцев пребывания в университете Ёнсе, невзирая на формальный запрет покидать столицу, я сумел объездить почти всю страну, ежедневно ведя подробные дневниковые записи, сталкиваясь с реалиями РК времен Но Тхэ У и не чувствуя себя там иностранцем, переживающим культурный шок. Установление дипломатических отношений между нашими странами и первая встреча президентов Но и Горбачёва на острове Чечжудо наблюдались мною из Кореи, однако многое из того, что я видел на Юге, всё больше и больше напоминало мне то, что мне было известно о Севере.

Это весьма важно, т. к. первые впечатления от страны обычно самые яркие. У нескольких моих старших коллег, отличающихся весьма критическим отношением к Северной Корее, оно выработалось именно при столкновении с пхеньянской действительностью во время их стажировки там. У меня же знакомство с Кореей начиналось не с КНДР, а с РК, и в результате моя негативная оценка некоторых деталей корейской политической жизни получила уже несколько иную направленность. Отношение к Югу стало более взвешенным, а, оставаясь медиевистом, я не уставал замечать в современной мне жизни страны сохранившиеся элементы традиционного прошлого, которые относились не столько к военной культуре Юга или чучхэйской культуре Севера, сколько к конфуцианской культуре старой Кореи, которую я представлял себе достаточно хорошо. Так, интерес к «идеальной антиутопии» на Севере дополнился изучением «тоталитаризма на Юге» — темы, которая тогда была «полузакрытой», ибо на фоне упоения южнокорейским экономическим чудом о сущности режима этой страны как-то перестали говорить.

Через месяц после моего возвращения домой случился августовский путч 1991 г., и многое в России середины 1990-х стало напоминать мне РК времен Второй Республики — кратковременную «вакханалию

демократии» между свержением Ли Сын Мана и военным переворотом Пак Чжон Хи. Я стал задумываться над целой серией вопросов. Что хуже – авторитарный режим или полностью разваленное государство без укрепленной вертикали власти и национальной идеологии? Чем чреват приход демократии в страну, которая до нее не созрела? Какие элементы авторитарной системы обеспечили Южной Корее экономический рост, а Северной – устойчивость режима на фоне краха стран народной демократии?

Мне казалось, что российским ученым, большая часть которых сформировалась в советское время, значительно проще заниматься изучением авторитарных систем, чем представителям Запада. У них есть определенная возможность анализировать эту систему не только снаружи, но и изнутри, отталкиваясь от собственного опыта. Тот, кто хорошо помнит партсобрания, государственное распределение и многие другие реалии СССР, понимает ситуацию на Севере лучше, чем человек, который не жил при авторитарном режиме и вырос в системе абсолютно иных жизненных ценностей, вообще не представляя себе, «как можно жить в таких ужасных условиях».

В 1997 г. я защитил кандидатскую диссертацию, и стало понятно, что, хотя как ученый-медиевист я уже начал зарабатывать себе определенную репутацию, возможность работать, продолжая заниматься медиевистикой, была исчезающе мала. И год спустя я начал работать в Центре корейских исследований Института Дальнего Востока (ЦКИ ИДВ) РАН, который занимается современной проблематикой, имеющей прикладное значение, где изучение авторитарной системы на Корейском полуострове превратилось для меня в стержневую тему исследований, которые и легли в основу данной монографии.

Сначала я планировал закончить работу к 2002 г., после того как полгода специально собирал для нее материалы в Сеуле, будучи в Центре Азиатско-Тихоокеанских Исследований университета Ханъян, но чем глубже я погружался в изучение темы, тем шире она становилась. Стало понятно, что необходимо изучать и исторические корни формирования традиционной политической культуры в Корее, и то, как под влиянием требований времени эта культура меняется.

Здесь, пожалуй, стоит сделать некоторое «методологическое отступление». «Политическая культура» – термин достаточно сложно определяемый. В политологических энциклопедиях он занимает место где-то посередине между «культурой» и «политической системой». С его помощью описываются типы поведения, системы ценностей индивидов и социальных групп, формы и процедуры, в рамках которых происходит принятие и реализация политических решений.

Социально-экономическая и институциональная жизнедеятельность общества также не остается вне поля внимания.

Начав заниматься этой проблематикой, я исходил из того, что многие элементы политической системы и политической культуры в целом являют собой отражение общественной ментальности. Идеи рождаются в сознании людей, и перестройка системы невозможна без перестройки их сознания. Политическая культура как комплекс правил, факторов и стереотипов поведения в нашем понимании есть проекция менталитета на общественную деятельность и потому определяет как основной набор форм и методов в политике, так и особенности функционирования государственного/бюрократического аппарата или любой иной сложноорганизованной структуры.

Чем важна и интересна эта книга, которую я старался ориентировать не только на специалистов-востоковедов, но и на более широкий круг читателей? Актуальность данного исследования подтверждают как минимум пять причин, которые я перечислю ниже.

Во-первых, мало кто в нашей стране рассматривал современную политическую культуру Кореи не с точки зрения противопоставления двух государств, одно из которых – тоталитарный режим, а другое – процветающая демократия, а с точки зрения места конфуцианской традиции в административной системе и политической культуре КНДР и РК и поиска в них общих элементов, базирующихся на конфуцианском субстрате.

Во-вторых, изучение роли, которую сыграла конфуцианская составляющая в формировании корейских государств, важно не только для Кореи, но и для исследования процесса адаптации западной демократии в странах третьего мира вообще. Особенно это касается взаимодействия демократии с традициями АТР, ибо элементы политической культуры данного региона достаточно четко противостоят тем ценностям, которые сейчас принято называть «общечеловеческими». В этом смысле книга должна быть интересна не только востоковедам, но и политологам широкого профиля, ибо Южная Корея является одним из немногих примеров успешного перехода из числа развивающихся стран в развитые. Потому интересно, какие ценности вестернизации присутствуют в современном обществе РК, как именно они сопрягаются с традицией и как они повлияли на «корейское экономическое чудо».

В-третьих, не так много у нас исследований командно-административных систем «со структурной точки зрения», а те работы, которые касались Кореи, затрагивали только КНДР, при этом эмоции (и просеверокорейские, и антисеверокорейские), как правило, преобладали над объективной оценкой фактов. Попытки всерьез рассмотреть то, как и за счет чего Ким Ир Сену удалось создать систему, которая

в период своего «расцвета» могла претендовать на звание «идеальной антиутопии», за счет чего она продолжает существовать до сих пор и каковы общие принципы формирования и эволюции систем такого типа вообще, не предпринимались не только у нас, но и за рубежом.

В-четвертых, зная основы национального характера и той среды, в которой воспитывался политический деятель, прогнозировать его политическое поведение значительно проще. Ибо нередко то, что кажется нам в поведении корейских политиков проявлением «нелогичности» и «непредсказуемости», на самом деле — плод наших попыток «поверить ИХ гармонию принятой У НАС алгеброй».

Понимание корейской политической культуры имеет важное значение и при попытках просчитать реакцию КНДР, поведение представителей которой в наибольшей степени отражает старую традицию, при рассмотрении вопросов, связанных с грядущим объединением страны: в какие сроки и по какой модели оно возможно; какие проблемы политического и социально-психологического плана с этим связаны, и каковы пути их возможного разрешения.

В-пятых, очень многие элементы корейской истории чрезвычайно важны для изучения именно в нашей стране. Сейчас, когда Россия и Республика Корея проходят похожие этапы общественного развития, определенное сходство проблем переходного периода от авторитаризма к демократии в РФ и РК делает этот аспект исследований особенно интересным. Изучение корейского опыта может послужить подспорьем в решении проблем нашей страны и предостеречь от некоторых ошибок, которые уже совершены там. Поэтому те, кто задумывается о судьбах нашей Родины по служебному ли долгу или по велению сердца, могут найти в этой книге много примеров для размышлений.

Как Северная, так и Южная Корея постоянно присутствуют в массовом сознании россиян, и у каждого из этих государств сформировался образ, нередко далекий от реальности. Затеняющие очки могут быть как красными, так и черными, но ангажированный взгляд всегда удален от правды. И когда в ответ на вопросы о том, «как скоро наша страна догонит Северную Корею», я отвечаю, что сначала ей придется догнать Южную, это вызывает удивление и непонимание. Между тем, правильное понимание политической культуры страны имеет большое значение, особенно когда речь идет о принятии важных политических решений. Подобно тому, как нельзя построить хороший дом из негодных стройматериалов, крайне тяжело принять верное решение, опираясь на неверные вводные и некорректные концепции.

Пройдемся по структуре книги. Первая глава является своего рода историческим очерком проблемы, все остальные посвящены

«поэлементному» анализу отдельных компонентов корейской политической культуры, общественной ментальности или командно-административной системы. Каждый такой элемент системы в рамках одной и той же главы рассматривается параллельно как на Юге, так и на Севере.

Перечень этих компонентов достаточно велик. Это структура государственной власти и элементы организации административной системы (государственная структура и роль руководителя страны, политические партии, репрессивный аппарат и т. п.); административная культура и бюрократическое поведение; социокультурные аспекты (государственная идеология, система образования, пропаганда, административная культура и т. п.). Уделено внимание и формам протеста против режима, и взаимодействию государственной системы с иными традиционными структурами (семья, церковь, преступность и т. д.).

Такая структура лучше позволяет понять, насколько в действительности близки черты, скрывающиеся за различными фасадами северного и южного режимов, насколько современные процессы политической борьбы или образы политических лидеров соответствуют традиционным канонам, и насколько внедренные извне ценности или институты пропитались местным содержанием.

Каждая глава завершается анализом перемен — того, в каких направлениях меняются в каждой конкретной области политическая культура и общественная ментальность КНДР и РК под влиянием новых факторов, и насколько последствия этого «внутреннего раскола менталитетов» могут повлиять на развитие ситуации на полуострове как в политическом, так и в социальном плане.

К сожалению, в работе не всегда уделяется равноценное внимание обоим корейским государствам. Хотя в некоторых случаях более подробно описывается ситуация в КНДР, большая часть работы посвящена изучению ситуации в Республике Корея. Это продиктовано тем, что автор имел возможность периодически посещать Южную Корею, а КНДР до определенного времени практически не видел¹ и потому, говоря об РК, может опираться на личные впечатления и достоверно известные ему факты, тогда как его представления о КНДР более опосредованы и опираются на книжные знания, их анализ, анализ СМИ и чужой опыт².

---

¹ В октябре 2016 г. и мае 2017 г. автор посетил КНДР по приглашению Корейской ассоциации работников общественных наук. Материалы поездки нашли частичное отражение в этой монографии, но в полном объеме они, скорее всего, станут основой для отдельной книги.

² Конечно, лавинообразно растущий поток информации, особенно по темам, затрагивающим текущий момент, не позволяет зафиксировать и переработать абсолютно всё, даже если это всё теоретически доступно автору. С этим связан

Еще одно замечание касается применяемой в книге транскрипции. За исключением ряда устоявшихся традиций перевода корейских имен, сложившихся начиная с 1950-х гг. (вроде Ким Ир Сена, который в действительности Ким Иль Сон, или Ким Чен Ира, имя которого правильнее писать как Ким Чжон Иль), я буду прибегать к транскрипции корейских имен, принятой в ИДВ РАН и предполагающей, в частности, написание их в 3, а не в 2 слога.

Предыдущая версия этой книги о политической культуре Кореи писалась в 2002–2004 гг., а вышла в конце 2009 г. С тех пор прошло более десяти лет, и многое морально устарело: в КНДР Ким Чен Ира сменил Ким Чен Ын, и пять лет его правления пока прошли без признаков кризиса, а в РК после Но Му Хёна сменилось уже два президента, и ко времени, когда планируется выход этой книги, страной управляет уже преемник Пак Кын Хе, а экс-президент находится под следствием.

Автор этой работы продолжал заниматься и научным творчеством, готовя учебник по истории Кореи и получая множество полезной информации, также расширяющей и дополняющей написанное в первом издании книги. Как говорит распространенная среди преподавателей поговорка, «Если ты пять лет читаешь лекции по одному и тому же конспекту, значит – умер ты или твоя дисциплина». Поэтому я благодарен Университету им. Дм. Пожарского за предоставленную возможность сделать «апдейт» темы, который будет идти по трем направлениям.

Во-первых, хочется несколько расширить и углубить исторический раздел: книга, изданная массовым тиражом, предполагает более широкую аудиторию, и потому отсылки к именам и событиям, которые специалист по Корее понимает без разъяснений, здесь потребуются.

Во-вторых, описание определенных процессов надо продлить во времени до момента написания нового текста. Условной рамкой мы ставим конец 2016 г., хотя иногда мы вынуждены немного забегать вперед, чтобы не обрывать повествование «на самом интересном месте».

В-третьих, концентрироваться автор всё-таки намерен на том периоде, когда общего между Севером и Югом, несмотря на разницу идеологических фасадов, было, возможно, гораздо больше, чем того, что их различало. По сути, это один из главных тезисов данной монографии.

Завершить это вступление хочется выражением глубокой благодарности всем, у кого я учился. Всем, чьи труды, советы или замечания помогли мне при написании этой книги. Всем моим многочисленным

также фактор неизбежного морального устаревания части того, что пишется. Ведь есть достаточный временной разрыв между написанием любой работы и ее изданием. На это необходимо всегда делать поправки, когда хочется предъявить автору претензии за то, что он что-то не учел или о чем-то не упомянул.

респондентам в разных странах, которые помогли мне осветить эту проблему с разных точек зрения.

Персональное спасибо

- ❖ моим преподавателям в ИСАА М. Н. Паку, Р. Ш. Джарылгасиновой, Ю. Н. Мазуру, В. М. Моздыкову, А. А. Хан, И. Л. Касаткиной;
- ❖ моим коллегам из ЦКИ ИДВ РАН, в особенности – В. П. Ткаченко, А. З. Жебину, Р. В. Савельеву, С. С. Суслиной, Ким Ён Уну, Л. В. Захаровой, В. Самсоновой, М. Осетровой, А. Поленовой;
- ❖ иным моим коллегам и друзьям В. Акуленко, В. Башкееву, Н. Бирюкову, Г. В. Булычёву, Ю. В. Ванину, Д. Верхотурову, А. Гилелаху, В. Н. Дмитриевой, Е. Ермолаевой, Р. Казарьяну, Н. Н. Ким (Плотниковой), Ким Сон Доку, И. Кирилловскому, Ким Хон Ёну, М. Кошечеву, Д. Кузнецову, А. Курмызову, С. О. Курбанову, А. Н. Ланькову, Е. Лачиной, В. Лебедеву, П. С. Лешакову, Д. Ли, Ли Иль Ёну, Ли Чжон Вону, Ли Чжон Уну, Лю Ён Ику, А. И. Мацегоре, Н. Медведевой, В. В. Михееву, О Ён Илю, Пак Хун Бэ, А. Пастухову, Л. С. Переломову, Л. Петрову, О. Пироженко, М. Розенфельду, В. Саблину, Д. Садакову, Д. Самсонову, А. Санжиеву, Т. М. Симбирцевой, А. Тютю, Д. Третьякову, К. Хмельницкой, В. Хрусталёву, Чан Ёну (он же М. Монахан), Чо Тэ Чжуну, Е. Штефану, Б. Юлину;
- ❖ коллегам из университета Ханъян (Сеул) Кан Бон Ёу, Ли Сын Чхолью, Ом Ёу Хо, Ю Се Хи;
- ❖ сотрудникам и преподавателям Центра Исследований Безопасности в АТР (Гонолулу, США), в том числе генералу Х. Стэкпоулу, К. Бейкеру, К. Джаспарро, А. Мансурову, Дж. Миллеру, Р. Халлорану;
- ❖ сотрудникам посольства КНДР и Корейской ассоциации работников общественных наук О Чхоль Чжину, Пак Ён Ину и Ли Чжон Сун;
- ❖ моим ученикам, студентам, магистрантам и аспирантам разных лет, в дискуссиях с которыми и в ответах на чьи вопросы я оттачивал работу над темой: С. Бембеевой, А. Волынской, В. Габцу А. Гордеевой, Д. Гришиной, Е. Давиденко, О. Дмитриевой, А. Игнатову, Е. Карасёвой, В. Качалову, Г. Кочешкову, В. Кинг, А. Ковалёвой, Д. Козловой, М. Красантович, А. Куракову, И. Курашовой, Е. Левину, А. Матвеевой, И. Мацоле, С. Млынчику, Д. Мосоловой, П. Поправке, Е. Потёмкиной, М. Резановой, Е. Рубцовой, В. Смирновой, В. Сорокину, Б. Хашиеву, Ф. Холмову, и К. Уминскому.

Отдельная благодарность моей матери В. Л. Асмоловой за моральную поддержку и большую помощь в подготовке этой книги.

Не меньшая благодарность Е. Солдатенкову и моему аспиранту Р. Лобову за значительную техническую помощь в работе над текстами.